VIMBO

Адвокатка Бабы-яги

Евгения Некрасова

18+

Евгения Некрасова

Адвокатка Бабы-яги

«Вимбо»
2026

Некрасова Е. И.

Адвокатка Бабы-яги / Е. И. Некрасова — «Вимбо», 2026

ISBN 978-5-00224-980-0

Добро пожаловать в современную русскую сказку. Здесь медведи коллекционируют фарфоровые фигурки людей, Родная речь дремлет в складках передника Ега-бихи, а домовые не покидают своих постов и продолжают охранять дома, хоть заговоры давно утратили былую силу. Здесь нет места банальному «долго и счастливо» – но есть сама жизнь во всей ее противоречивой полноте. В своем новом сборнике Евгения Некрасова с присущим ей мастерством сплетает воедино нити фольклора, волшебства и повседневности, создавая ткань повествования, где мифическое прорастает сквозь реальное. Это не побег от действительности – это приглашение увидеть сказку в обыденном. И даже когда тени сомнений сгущаются, сквозь них пробивается свет: милосердие и надежда, как два неярких, но стойких огонька, ведут сквозь сумрак настоящего. Внимание! Текст содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00224-980-0

© Некрасова Е. И., 2026
© Вимбо, 2026

Содержание

Несмеяна 7
Прививка 14
Человедица и медведица 18
Ега-би́ха[1] и родная речь[2] 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Евгения Некрасова
Адвокатка Бабы-яги

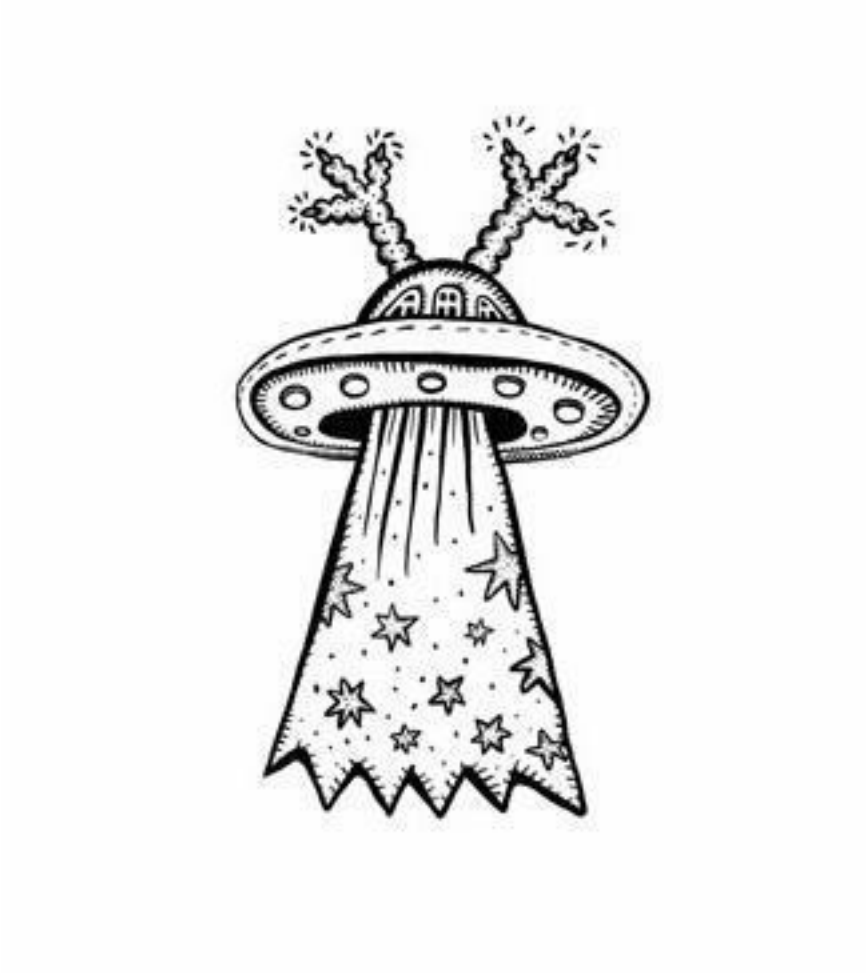

Иллюстрация: Ульяна Подкорытова
Дизайн: дизайн-студия «Holystick»

© Евгения Некрасова
© ООО «Вимбо»

Книга вышла при поддержке литературного агента Галины Бочаровой.

ЯГА

Несмеяна

Многие хотели заставить меня улыбаться. Мои родители водили меня на детские спектакли, ёлки, в цирк. Я скучала. Моя первая учительница называла меня вишней, за постоянное нерадостное выражение лица. Я не понимала, чему радоваться. Дети и взрослые смеялись чаще всего от плохих шуток или над тем, что кто-то совершает ошибку и выглядит отчаянно. На улицах и в помещениях люди кричали, плакали, произносили матерные слова, иногда шипели. Друг другу, мне, дверям, стенам, животным, асфальту, пустому вертикальному пространству. Постепенно я приноровилась. Иногда улыбалась и смеялась со всеми и над тем, над чем было принято у остальных. В некоторых случаях мне действительно было смешно. После любого смеха всегда становилось плохо, я назвала это смеховым похмельем.

Натянутая кожа, сокращённые мышцы, сквозняк на зубы и внутрь гортани – это улыбка. Натянутая кожа, сокращённые мышцы, сквозняк на зубы и внутрь гортани, обратный сквозняк со звуком из гортани – это смех. Всё это так ценят люди.

Потом я выросла. Родители очень хотели, чтобы я стала врачом, как они. Я не хотела. Я планировала отделиться от людей. Мечтала стать морским биологом. Животные для меня были ок. Хотела жить на ледяном острове далеко от всех. Среди тюленей и морских львов. На случай белого медведя я завела бы себе ружьё, для выстрела в воздух. Но меня заставили поступить на медицинский. Студенческое проживание было скучное, нелепое и бесполезное. Несмотря на то, что я почти не улыбалась, я несколько раз занялась сексом, у меня появились свои люди, меньше друзья, больше знакомые. Училась я ок, но мне не было интересно. Преподаватели чувствовали. Они мне нравились, умные люди.

На третий год в институте я в четвёртый раз в жизни пошла на вечеринку. На кухне её пересиживала. Пришёл человек, нашёл ножницы в ящике хозяев, отрезал себе чёлку слева. Мы стали разговаривать. Я поделилась с ним сигаретой. Через два месяца мы поженились и я перестала учиться. Мы переехали в город мужа на севере. Моя родительская семья не расстроилась, решили, что замужество лучше для меня, чем образование. Муж мне только иногда нравился, но он привлёк обещанием увезти меня к северному морю. Я надеялась здесь на тюленей и морских львов. Специально не гуглила, не проверяла, загадала, думала, вдруг повезёт. И они там оказались – морские котики – ушастые и шерстяные. Но они боялись людей, никогда не приближались. Я их понимала. Заказала себе бинокль и наблюдала за тем, как далеко в море котики качают приглаженными головами, моргают глазами-пуговицами и катаются на льдинах. Муж спросил, собираюсь ли я высматривать его, когда он будет возвращаться из рейса. Я даже не подумала об этом.

Море зверело и звенело как битое стекло, между серыми сопками сидели низкие серые панельки. Мы жили на третьем этаже одной из них. Сопки были обиты сизо-зелёным мхом. В первую половину лета ночь не наступала. Небо плавало как кисельная жижа. Осенью, зимой, весной оно заливалось ядовито-зелёным неоном. На него приезжало смотреть много туристов, но людей даже тогда собиралось меньше, чем в обычный день моей прошлой жизни. Мне здесь нравилось.

Мужа я видела по графику: две недели через три, мне это тоже нравилось. Он работал на рыболовецком судне. Когда он возвращался, я готовила ему мясо с овощами. Ему хотелось есть всё, что не рыба. Потом мы смотрели накопившиеся за его отсутствие сериалы. Потом занимались сексом. Дальше он спал, скроллил ленту, встречался с друзьями, курил, красил балкон, занимался со мной сексом, ходил в гараж. Муж сам как тюлень, просил внимания и еды, мне было не сложно две недели через три. Мне повезло, я не встречалась с его друзьями,

мы обговорили ещё до свадьбы, что я, как он это называл, нелюдимая. И на радость, в приморском городе не жила его семья. Муж тут вырос, но его отец умер, а мать вышла замуж в соседнюю страну. За два-три дня до его рейса мы отправлялись на машине в гипермаркет за сто километров от нашего города. Покупали продукты и товары для дома. Для меня и для будущего. Я помогала мужу собираться в рейс. Готовила мясо с овощами. В ночь перед отплытием мы обязательно занимались сексом. Летом никакой ночи не было, мне нравилось глядеть на розовый кисель, а муж просил закрывать шторы. Тут у всех шторы-шубы. Ими привыкли спасаться от холода и вечного дня.

Я быстро нашла работу с моим недообразованием. Стала сестрой в физиокабинете местной поликлиники. У меня была такая практика ещё на первом курсе. Три недели. Этого оказалось достаточно. В приморском городе пациентов ходило не много, но регулярно. Чаще всего лечили отиты и ангины. Реже ЖКТ, травмы и иногда мигрени. Мне нравился мой белый халат и красные шторы, отделяющие одну процедурную кабину от другой. В кварцевом люди сидели мальками, пойманными на светящиеся тубусы через ноздри или рот. Иногда до четырёх человек рядом. Это походило на ритуал. Я служила жрицей. Люди вели себя как в храме. Молчали, двигались тихо, не топали, шептали мне свои фамилии, не переговаривались, старались не глядеть друг другу в глаза, когда сидели рядом на кварце. Уважали меня и даже боялись, но не меня лично, а медицинско-техническую силу, которую я представляла. В кабинах с электрофорезом я накладывала лекарство на аппликатор, прикладывала к больному месту или рваной коже пациента, устанавливала заряд, пускала ток. Мне нравилось, что для каждого ритуала было своё пространство. Только кварцевые сидели иногда вместе, остальные лечились в отдельных тряпочных палатах, такого уровня комфорта пациенты других направлений медицины не могли добиться даже за деньги. Я чувствовала себя счастливой в работе. Ток урчал, журчал, гудел и ныл. Подогревал мою светлую печаль. Я знала, что физиопроцедуры вряд ли работают. Читала статьи на русском и английском ещё во время учёбы. Что они, как и заброшенный пионерский лагерь на окраине приморского города или памятник Ленину, – остатки прошлой жизни. Только лагерь не функционировал, в Ленина не верили, а вот электрофорез и кварц в моём кабинете работали и в них верили люди. Им помогало. Это было как магия. Это и было магией.

Пока пациенты находились внутри ритуала, я читала книгу, заполняла карточки на компьютере, иногда вязала. Я полюбила вязать на Севере. Сначала я захотела себе капор с затягивающимися завязками. Уши мёрзли, задувал ветер. Муж попросил сначала носки, потом свитер. Звенел будильник, я шла отключать пациента от ритуала. Мне нравилось на собственном мобильном заводить будильник для каждого номера кабины или номера каждого кварцевого тубуса.

В кабинет иногда приходила хирургиня. Худая, с широкой грудной клеткой, круглолицая, гораздо выше меня, с жёлтыми скандинавскими волосами и водянистыми голубыми глазами. Она здоровалась и спрашивала, могу ли я. Если не было пациентов или до окончания ритуалов тех, кто сидел под током, оказывалось более семи минут, я брала телефон, и мы вместе шли курить на задник поликлиники. Хирургиня рассказывала мне про наше место работы, город, северное сияние, про себя делилась хвостиками историй. Она тут выросла. При северном сиянии нельзя было кричать, иначе оно убежит – так они верили в детстве. Во время сияния у многих были мигрени, как у моего мужа. У меня нет. У хирургини иногда. Она меня спросила, давно ли у меня депрессия, я отвечала, что у меня её нет и что люди в настоящей депрессии часто хохочут и улыбаются, неулыбчивость просто свойство моей личности. А шутки я понимаю, но не нахожу их смешными. Может, это печаль? – спросила она. Светлая печаль. Я подумала и согласилась. Светлая печаль мне нравилась. Не мерцающая, как сияние. А спокойная, как белая ночь.

Дома две недели через три тоже было не просто. Муж требовал всё больше внимания, соучастия, совместных эмоций. Он беспокоился, что я не улыбаюсь. Волновался, что не делает меня счастливой, я говорила, что счастье можно выражать по-разному. На седьмой месяц нашего брака он прекратил волноваться и стал меня обвинять в том, что я не рассказываю, почему я несчастна в браке с ним, хотя он так сильно старается. Я объясняла ему, что моя неулыбчивость – просто особенность моей личности. И смурность не означает, что я не счастливая. С ним. Так млять – убери эту особенность, сказал он, сделай мне приятное. Я сделала. Натянутая кожа, сокращённые мышцы, сквозняк на зубы и внутрь гортани. Но ощутила тёмную печаль.

В это же двухнеделье муж впервые заставил меня пойти с ним к его другу на день рождения. За уже пьяным столом именинник спросил, чего я такая мрачная. Муж принялся пальцами раскрывать мне рот в улыбке. И кричать – ты сука будешь улыбаться, будешь. Гости смеялись от страха или им правда было забавно. Мы вернулись домой и муж проплакал всю белую ночь, лёжа рядом со мной. Я лежала под общим с ним одеялом, не двигалась.

Муж ушёл в рейс, накануне я не помогала ему собираться, не занялась с ним сексом. Через пару дней я сняла однушку на пятом этаже в доме на первой линии. И утром перед работой перенесла туда вещи. Я забрала только одежду и свой компьютер, все остальное, даже нажитое вместе, подаренное на свадьбу мне не сдалось.

Моя жизнь стала светлее. После работы я готовила себе ужин. Смотрела на море в окно. Вязала и смотрела одна сериалы. Иногда там были смешные шутки, я кивала. По утрам я начала бегать вдоль моря по земле. Раньше я тоже могла бегать, по крайней мере, в те недели, когда мужа не было дома, но начала именно сейчас. Далеко в море копошились плотные шерстяные тела морских котиков. Маленькие живые запятые. Они радовали меня, делали меня счастливой только потому, что жили. На бегу я весила как моя прозрачная печаль, полностью состояла из неё.

Про то, что я ушла от мужа, узнали все в городе. Про его попытку заставить меня смеяться на дне рождения тоже. Пациенты шептали мне особенно вежливо, ток струился особенно бережно, сёстры и врачи улыбались при встрече болезненно. Хирургиня, извергая дым из своего викингового рта, спрашивала, как я. Я говорила – отлично, в светлой печали. Она улыбалась, будто мы жили на юге.

Через три недели муж пришёл в поликлинику. Вломился в мой кабинет ледяным потоком. Стал кричать, требовать, обвинять. Пациенты соскочили с токов и вышли из кабинок. Я предложила ему поговорить в другом пространстве, но муж не сдвигался с места. Он рассказал, что отрезал чёлку тогда в кухне, потому что так придумал знакомиться с девушками, потому что он разглядел меня ещё в комнате и я ему понравилась. Он делал так раньше, ходил со странной чёлкой, и работало, и вот только на мне женился. Той, что не умеет любить, благодарить и чувствовать. Стеклись врачи и сёстры. Я злилась на всех больше, чем на мужа, за то, что пришли наблюдать за нашей драмой. Тут появилась хирургиня-викинг и вывела мужа на задник поликлиники. Когда я, извинившись перед пациентами и коллегами, туда тоже вышла, хирургиня курила уже одна. Всё сделалось тихим и бело-серым, обычным для этого города. Я сказала, что испытываю прозрачную печаль. Хирургиня нагнулась ко мне и поцеловала меня в губы. Я не ответила на её поцелуй, но улыбнулась ей в поцелуе.

С мужем мы больше никогда не разговаривали. Он звонил несколько раз моей маме уже после посещения меня в поликлинике, та звонила мне, ругала за бессмысленную жизнь и за мучение мужа. Нас с ним развели просто и быстро. Я встречала его в Пятёрочке, по несколько

раз за две недели через три, почти всегда он вёл за собой какую-нибудь молодую женщину, как ребёнок куклу. Очень гордо. Специально останавливался вместе с ней рядом с теми полками, где была я. Поначалу мне было смешно. Он всё-таки смог меня рассмешить. Я смеялась не ртом, а внутренностью живота. Открыла, что где-то там был мой специальный орган для настоящих улыбок и смеха. При встречах с бывшим мужем я стала испытывать тёмно-синюю тяжёлую печаль и жалость. Потом он перестал попадаться мне в Пятёрочке, один из моих кварцевых пациентов сказал, что бывший муж уплыл куда-то на заработки. Мама звонила мне, один раз к разговору присоединился отец, они звали меня домой. Вернуться в институт. Через полтора года я встретила бывшего мужа в Пятёрочке с ребёнком на плечах и женщиной. Он выглядел очень печальным и не заметил меня. Мне это понравилось, моя печаль стала лёгкой и вознеслась к потолку с выцветшими советскими фресками с колбасой, треугольниками молока и исполосанными буханками.

Всё плыло спокойно и хорошо. Мама звонила ещё реже и говорила, что я бесполезная, как панда, но панды хотя бы милые. Но я не считала себя бесполезной. Я жила как хотела и тем самым приносила пользу себе. А ещё я официально занималась магией в настоящей поликлинике и помогала этой магией людям. На электрофорез начала ходить Подросток. Их лечилось несколько, но эта была особенная. Она жила в деревянном доме на берегу за сопками. Вроде бы вместе с матерью или бабушкой. Лечила дыры-провалины на щеках и лбу после, кажется, тяжело перенесённой оспы. Такие глубокие, как упрёки, овальные и круглые ёмкости на лице. Подросток замазывала их грунтовкой, но они всё равно торчали своей провальностью. Подросток ходила через сопки в поликлинику раз в неделю после школы. В маске-макияже. Не пошлом, умелом. Каждый раз я просила её смыть краску перед процедурой, Подросток доставала упаковку влажных салфеток и счищала свое второе, взрослое лицо. Она появлялась в джинсах, кроссовках, короткой куртке, выдающей себя за кожаную косуху. С длинными русыми волосами с синими прядями, с соплями всё время, потому что без шапки. С чёрной твёрдой сумкой, тоже под кожу. Кроссовки её были всегда странно белые и чистые. Будто она надевала их переобувкой только уже в поликлинике.

Ещё во время первого ритуала она спросила меня, чего я такая печальная, плохо ли муж меня ебёт или ещё чего. Я удивилась сама себе, что не удивилась её манере. Ответила, что муж ебёт ок, а печаль моя светлая, совместимая со счастливой жизнью. Девочка сказала, что я обязана улыбаться ей, потому что я оказываю сервис. И вообще должна по жизни смеяться и улыбаться, потому что иначе демоны настигнут меня. По-настоящему они боятся только смеха, объяснила она. Каждый раз, когда она приходила, её блестящий рот выдавал один-два-три матерных, взрослых, старомодных, подбетоннозаборных анекдота про секс, или запор, или какую-то другую телесность. Некоторые анекдоты казались мне интересными, но я не собирательница, не антрополог. Мне хотелось найти у Подростка кнопку и сделать её потише. Я зашикивала её, уговаривала не шутить, или шутить потише, произносимые ей тексты слышали другие пациенты, пару раз совсем дети. Некоторые взрослые и невзрослые похихикивали во время ритуалов из своих кабинок, слыша несвежие эти истории. Я нет. Я уставала. Спрашивала, где она такого понахваталась. Она отвечала, что читала в анекдотных сборниках. Я вспомнила, что находила такие на даче у родителей, брошюрки с цветными обложками, на которых чаще всего были изображены женщины с очень большими молочными железами и в коротких юбках, тёщи, зятья, политики, внутри книжек нестройным чёрно-белым отрядом наползали простые анекдоты, а на последних страницах выстраивались, ждали своего времени кроссворды со сложными вопросами. Я догадывалась, что эти брошюрки работали отвлечением от жути девяностых и нулевых, где читателей хотели рассмешить и расслабить низменно, а в финале напомнить, что у них высшее образование. Меня ископаемые истории огорчали и пугали, особенно тот формат, в котором они мне транслировались.

Теперь я нервничала, боялась наступления сред, когда приходила Подросток, больно моргала при рассматривании её файла, надеялась, что пациентов будет меньше во время её лечения, старалась как можно быстрее подключать её к аппарату и отключать, чтобы меньше слышать её. Через раз она интересовалась своим хрипловатым голосом: чо, не смешно? Хирургиня предлагала поговорить с ней. Я благодарила, но отказывалась. Мы недавно ходили в кафе, хирургиня предложила мне встречаться, и я тоже отказалась, хоть она мне нравилась гораздо больше, чем бывший муж, но я не хотела с кем-то делить своё время и объяснять, почему я не улыбаюсь.

Жестокие, бесстыжие анекдоты, в которых люди вели себя как мясо с мясом, снились мне по ночам. Звенели в уши, когда я бегала вдоль холодной воды. Описываемое в них насилие, глупые ситуации, где обязательно кого-то страшно унижали. Когда кто-то где-то смеялся, взрослый или даже ребёнок, мне чудилось, что он или она смеётся оттого, что услышал анекдот девочки с дырявым лицом. В один момент я решила перестать это всё переживать. Подросток ничего ещё не успела сказать, просто чиркнула невестиными кроссовками по выдохшемуся линолеуму на входе. Я объявила ей, что не хочу больше предоставлять ей сервис, из-за её антиобщественного поведения, к тому же мой сервис всё равно ничуть не поможет затянуться её шрамам, и посоветовала лазерную терапию или пластику. На которые ей, добавила я, никогда не хватит денег. Она зависла там в дверях, подумала, сказала: Хе-хе! Демоны всё равно захватят тебя – и больше ко мне не возвращалась, и не ходила на электрофорез к моей сменщице.

Дальше мы бы зажили вдвоём совсем счастливо с моей светлой печалью. Это я одна сама с собой, какая есть и как хочу. Как раз начинались белые, а на самом деле целлофаново-розовые-алые ночи. В память о бывшем муже я даже иногда задёргивала на ночь плотные шубы-шторы, которые висели и в моей съёмной квартире. На второй день после отказа Подростку в сервисе один из моих кварцевых рассказал, что она пропала. Отряд добровольцев уже ищет по сопкам, по берегу и думает двинуться в лес. Её мать пришла в школу и сказала, что дочь не вернулась в их избушку. После смены я забежала домой, переоделась в кроссовки, спортивный костюм, куртку, взяла шарф и шапку и пошла потом в Пятёрочку, где собрался штаб по поиску.

Мне и другим добровольцам выдали карту и рацию. Телефоны почти не работали там, где заканчивались дома. Фонарь тоже дали, но он не нужен был в целлофаново-розово-белую ночь. Мне и другим провели инструктаж. Рассказали, что Подросток уже пропадала два года назад на неделю, а потом просто её нашли сидящей на берегу, уже переболевшей оспой. Берег сейчас исследовала другая команда. Меня присоединили к отряду из семи добровольцев, который отправили в лес. Тут были мужчины и женщины, примерно поровну. Мы шли сначала сопками. Кричали: Мила, Мила! Так её звали. Я слышала тихие фразы двух взрослых женщин. По контексту стало понятно, что они учили Подростка в школе. Учительница-один произнесла, что не странно, что Мила пропала, может быть просто сбежала, потому что Подростку не нравилось в школе, и она там никому не нравилась, ни ученикам, ни педагогам. Учительница-два произнесла, что сама Подростка сильно не любила изза того, что та вечно торчала на уроках с недовольным лицом, будто её воткнули в школу из тюрьмы или наоборот из какого-то прекрасного места, и дети не любили тоже её за общую кислость. А как появились дыры, то Подросток поехала кукухой. Так и сказала учительница-два. Поехала кукухой и стала улыбаться на всё подряд. И ещё сильнее бесила этим всех людей. Учительница-один выговорила, что Подросток была ей отвратительна. Она хотела отправить её к школьному психологу. Но та как раз уволилась и уехала южнее. Глава отряда прикрикнул, что разговаривать нельзя. Учительница-один дошептала, что это, да, непрофессионально, но она не подтянула Подростка по математике, не предложила переписать контрольную, хотя другому ученику, который совсем дерево, разрешила и дотянула его до тройки. Виновата. Они шагали дальше молча. Они тут

искали, как и я, от чувства вины. Но у меня внутри зрело что-то другое, мощнее, плотнее, болезненнее и радостнее – чувство общности, почти родства с Подростком Милой.

Мы вступили в лес. Среди деревьев наша человеческая цепь сделалась серьёзней и сосредоточенней. Я давно не была в лесу, в местном никогда, думала, зачем мне опять лес. Гуляла по берегу и сопкам. На них вкраплениями штрихкодили слишком короткие березы. Здешний лес оказался высоким хвойным троллем, голым внизу, мягко-моховым. Мне казалось, что я иду по ковру, и мне хотелось переобуться в тапки, чтобы не наследить. Деревья не кучковались, но среди них всё равно сделалось темнее. Мы повключали фонарики. Время от времени по цепочке мы кричали: Мила, Мила! – словно пели, и мигали светом. И это походило на важный священный ритуал. Я вдруг подумала, что мы не ищем в этом лесу Подростка, а приносим её в жертву.

Другой новый свет резанул мой правый глаз. Я повернула голову. В стороне за деревьями и чуть над ними переливалось северное сияние. Я шла в середине цепочки, но никто из людей не посмотрел направо. Сияние было строго вертикальным и сияло в первую очередь синим, потом уже зелёным и розовым. Я остановилась, все продолжили шагать вперёд и петь «Мила». Никто другой не замечал сияния, но его и не должно было появиться в это время года. На моё отставание не обратили внимание остальные, только глава отряда крикнул через спину, что отставать не нужно от других людей. Я пошла на сияние. От него делалось так светло, что я выключила фонарик. Поглядела на удаляющиеся от меня спины поющих людей. Двинулась дальше. Я почему-то стала уверена, что найду за сиянием Подростка. Чем ближе я подходила к переливу, тем меньше я видела деревья и мир вовсе, свет поедал лес. Пение людей перестало быть слышным. Сияние сияло, разрезая лес широким световым лезвием. Приближаясь к нему, я споткнулась о камень, еле удержалась на ногах, вскрикнула от неожиданности. Сильно испугалась, что сияние испугается моего крика и убежит. Но оно сияло на месте. Я сунула в световую заслонку обе руки. Сияние щекотало меня тонким покалыванием, это было похоже на электрофорез, только нежнее и счастливее. Я вступила в сияние всем телом и всё выключилось.

Просыпания мои случались от боли. Довольно страшной, но той, которая запоминается, значит, переживаемой. Надо мной и передо мной плавали, всё время перемещаясь, источники света самых разных цветов, даже чёрного. Я поначалу решила, что я в поликлинике, но потом всё-таки поняла, что вряд ли. Не могла двинуться. Время от времени в мои щёки, или лоб, или подбородок врезались один или сразу два зелёных, или синих, или белых, или жёлтых тонких луча и проделывали во мне дыры. От света мои глаза болели, и я закрывала их часто, засыпала. Не могла нормально глотать, и моим зубам было прохладно. Через несколько просыпаний я поняла, что натянутая кожа, сокращённые мышцы, сквозняк на зубы и внутрь гортани – это улыбка. Мой рот был открыт и удерживался в улыбке. Слюни стекали по моему подбородку. И ещё, вероятно, кровь. Но я не чувствовала её вкуса. И вовсе никаких. Когда в лоб врезался синий луч, я начинала хохотать сквозь зафиксированную улыбку. Натянутая кожа, сокращённые мышцы, сквозняк на зубы и внутрь гортани, обратный сквозняк со звуком из гортани – это смех.

Спустя что-то, не знаю, день или год, я смогла чуть поворачивать голову направо. Рядом стояли силуэты, поеденные светом. Я различала только их глаза, очень большие, вытянутые, беззрачковые, с тяжёлыми складками кожи сверху, как у морских котиков: то и дело открывающимися и закрывающимися, смачивающими смотрящие овалы или защищающими от света. Это и были те демоны, о которых меня пыталась предупредить Мила. Тех, кто не хочет улыбаться и смеяться, глазастые забирают к себе и проводят над ними опыты. Ок. Я чувствовала, что Подросток тут же, рядом. Мне не было страшно, но было чрезвычайно беспокойно. Я выдохнула сквозь открытый рот. Закрыла глаза и стала ждать. Я понимала, что когда дождусь, то проснусь на каменном, обитом мхом берегу моря, с овальными дырами на лице, возможно,

неподалёку от Подростка. И мы вдвоём будем смотреть на тюленей, вдалеке тоже возлежащих на камнях или высовывающих свои лысые головы из воды и моргающих. И от этого понимания я ощутила снова свою светлую печаль.

Прививка

Люди идут. Летом идут. Легко одеты. Парад, но странный, на дороге в лесу. Лето хорошее, не жаркое, но и не холодное, без воды с неба. Люди чаще всего дети и женщины и немолодые. Идут. Все несут что-то по чуть-чуть. Чемоданчик. Или тюк. Или кастрюльку. Идут ловко и бодро. Одежда у многих солидная и даже нарядная, но потрёпанная, несвежая. Идут не первый день. Девочка ступает в сандаликах, кофточке на платье. Ей восемь, трубе, которую она несёт, пять. Труба, когда была присоединена к прямоугольному телу-механизму, пела своим горлом. Теперь её, как самое ценное в доме, забрали. Доверили нести девочке. Тело-механизм-то ладно, можно прикупить, а горло бесценное, из важного металла. Девочка несёт его, как корону, на вытянутых, когда сильно устаёт, прижимает к своему тощему животу. За металлическим бутоном пустого горла девочку почти не видно. Девочка почти счастлива, потому что не одна. Она вместо горла напевает. Рядом как раз мама идёт с некрупным кожаным чемоданом. Прямая, бледная и строгая. Не из-за их похода, а всегда. Она в платье, ботинках, тонком плаще. Но девочка не только с мамой. Вот же её брат шагает. У него точно парад. Брюки, рубашка, курточка, в руках тюк. Из-за него девочка и мама не сели на поезд в городе. Он сказал, что никуда не поедет, а останется бить врага. Этому его учили с рождения – папа (до своего ареста), отчим, школа. В пионеры брата не взяли всё же из-за отца-врага, хоть отчество и фамилию мама детям поменяла. Но обещали, что может быть ещё и примут, если он докажет. Брата послушались они обе – девочка и даже строгая мама. Из-за него остались. Брату же уже двенадцать. Они идут. Не хотели покидать город, но их уговорили – приятели-отдыхающие из Ленинграда, семья-рифма – тоже дочка возраста девочки, сын возраста брата, мама возраста мамы. Детям и женщинам удобно дружить со своими совпадениями. Девочка, мальчик, мама – тёмненькие, а девочка-рифма, мальчик-рифма и мама-рифма светленькие.

Не больше чем на месяц, решили обе семьи. Мама-рифма тоже несёт чемоданчик и чайник. Брат-рифма несёт два небольших тюка. Дочка-рифма тащит круглую коробку из фанеры перед собой. Молодые женщины переговариваются редко, про еду, тепло, ночлег. Что-то на губах промелькивает про мужей. Мечтают дойти до станции в Беларуси. Оттуда их отвезут в место, где тихо и нет врага. Санаторий в доме, где раньше была усадьба. Она ещё не занята. Говорят детям не шуметь, не отставать. Мальчики мечтали увидеть врага и немного боятся. Девочки видели недавно лося и обсуждают его тихонько. Например, можно ли его поймать, уговорить и на нём ехать. Обе девочки на нём точно бы уместились. Тут стреляет воздух: раз – в стороне, два – совсем рядом с парадом людей. Парад кричит по-женски и по-детски, сбивается сначала в сторону, потом выгибается и слипается. Из леса появляется враг. В форме десяти вооружённых человек. У врага оказывается автомобиль и мотоцикл с люлькой. Девочка раньше думала, что в таких возят маленьких детей, потому что люлька, потом оказалось, что взрослых людей. Враг кричит горлами вооружённых мужчин.

Парад идёт несчастно. Идёт уже не парадом, а толпой. Быстрее, чем ей надо. Её ведут. Кричат раз в несколько минут. Впереди толпы едет враг на автомобиле. Позади враг на мотоцикле. По бокам враг шагает по два человека с автоматическими ружьями, которые выстрелят в пытающегося убежать кого-то. Враг раздражён. Ему не нужна эта толпа, враг должен наступать, а не тащить охапку пленных. Раздражение передаётся в руки врага с автоматами. Толпа чувствует. Девочкам страшно, мальчикам страшно, женщинам страшно.

В мальчиках первых зреет болтанка из страха, азарта и ненависти. Переходят плоскую русскую речку через широкий мост. То есть сухую реку, перекрытую поперёк дырявым деревянным настилом. Немолодые и тяжёлые люди цепляются мысами ботинок за бреши, спотыкаются, проваливаются. Их поднимают рядом идущие, враг шнеллит криком. Брат девочки и

брат-рифма девочки-рифмы договариваются, говорят тихо матерям, но так беззаботно, будто уходят из дома погулять на часок, и ныряют в одну из больших дыр. Помещаются туда вдвоём. Девочка тоже хочет, говорит девочке-рифме. Та плачет, хочет остаться с мамой. И у мамы-рифмы в этот момент отлегает от души. Девочка боится – из-за хныча девочки-рифмы сейчас враг обратит внимание. Мосток скоро прекратится, дыр у него не осталось почти совсем. Девочка суёт маме металлическое горло совсем без уважения к этой ценной вещи. У мамы уже не хватает рук и сил, и ещё разрывается сердце, но она берёт трубу под мышку. Девочка невысокая, тощая, ныряет в оставшуюся дыру. Кто-то из бывшего парада замечает, но не говорит, конечно. Кофта цепляется за зубастые деревянные доски. Девочка приземляется на землю ботинками, в присядке, её буратиной тянет наверх парад ниток. Над ней всё ещё топают ноги. Девочка вылезает из рукавов и складывается в клубок на дне сухой реки. Закрывает глаза. Так менее страшно. Она различает сапожные шаги врага над головой, слева и справа. Один из врагов смотрит вниз, сквозь дыру, видит фиолетовость кофты, отмечает, что кто-то из пленных уронил тряпку, но не замечает девочку за кофтой, накрывающей как плащ-палатка.

Мотоцикл проезжает, девочка досчитывает до семидесяти восьми, потом ещё до пятидесяти, только тогда открывает глаза. Солнце заливает сухое дно реки через щербатый мост. Девочка осторожно дёргает кофту, снимает её с деревяшки. На боку справа обнаружилась дыра-растяжка. Девочка надевает кофту и идёт назад. Этим же днём она встречает брата и брата-рифму. Мальчики хвалят её за побег, но требуют не тормозить их. Грозят оставить где-нибудь, если она будет хныкать или медлить. Девочка обещает, что она не будет хныкать и медлить, и не медлит и не хнычет всю свою оставшуюся жизнь.

Последующие несколько летних дней дети играют в казаки-разбойники. Крадутся по лесам и полям за уводимыми пленными. Едят ягоды, щавель, дикие яблоки, сухари кончаются на третьи сутки. Дети спят в стогах сена, на поваленных деревьях, пьют из пруда. Не пей, козлёночком станешь – шутят над девочкой старшие мальчики. Они много шутят друг над другом и просто, бодрятся, и вообще-то они счастливы. Это самая-самая лучшая их игра. Все трое поносятся. У девочки ещё болит горло, но она не говорит про это мальчикам.

Пленные ночуют в лесах лагерем. Враг разбивает несколько палаток и там спит по очереди, охраняя несчастный парад. Люди спят как придётся, но вокруг костра. Мама и мама-рифма чувствуют, что дети крадутся, и оставляют им сухари, и даже дольки шоколада, который вдруг раздаёт раздражённый враг пленным детям. Девочка-рифма думает, как хорошо, что она осталась. И с мамой, и с шоколадом.

Дети приходят к мёртвым уже кострам, натыкаются иногда на остатки еды, доедают, обрывки тканей забирают на постель и укрываться. Находят сухари, оставленные мамами, а вражеский шоколад нет. Его потом растаскивают лесные звери и черви. Раз или два пленный парад и враг останавливаются в деревнях. Напуганных, тоже женских и детских, или старых, но ещё немного с молоком, овощами, хлебом. Часть детей, женщин и скот прячут. Враг убивает корову, кормит себя, остатки достаются пленной толпе. Хозяйка коровы голосит по ней. Парад не понимает, догадывается, но не чувствует, все городские. Дети приходят в ту покорёженную деревню полдня спустя. Им тоже всё странно и интересно. Девочке очень нравится тряпичная кукла без лица, которая сидит в углу дома, где их принимают, кормят, дают помыться и рубахи. Дети хозяйские вылазят из укрытия в подполе и рассматривают детей-казаков-разбойников. Деревенские всё знают, будто под землёй им рассказали кроты. Но ночью городские дети узнают от детей хозяев, что женщина, у которой враг убил корову, повесилась. Девочка думает, что это как что-то из сказки, смерть из-за смерти волшебной коровы.

Крадущиеся дети задерживаются в деревне на несколько часов. В тёплых сенях оказалось сладко спать. Дети деревни пинают гостей и велят, чтобы уходили, чтобы не ели их еду, не спали в их домах. Но мальчики спят крепко, а девочка просыпается. Деревенский мальчик с грязью вокруг рта говорит ей, что враг разделил пленную толпу на две части, и это чтобы

было легче расстрелять и закопать её в поле. А из деревни, бебебе, враг никого не взял, кроме коровы. Девочка бьёт этого мальчика так, что он сразу плачет. Она будит брата и брата-рифму. Дети бегут, даже не берут варёные картофелины, которые им ещё с вечера готовит деревенская мать.

Брат, брат-рифма и девочка гонят на тонких ногах по лесу, прям по дороге, по следам, даже не прячась больше по бокам за деревьями. Сбавляют потом немного, а то у всех колет под рёбрами и заканчивается дыхание. Девочка хочет плакать, но нельзя и нет сил. Мальчики на самом деле тоже очень хотят плакать и к мамам. Слышатся выстрелы. Дети рыдают все втроём в голос и снова бегут. Через час они с лицами в мокрых грязных разводах находят в поле среди примятой травы валяющиеся чайники, кастрюли, тюки, книги, кто-то, да, девочка вспоминает, нёс книги. Она находит на муравейнике свою драгоценную трубу. Та разрубила дом насекомых пополам, и выжившие муравьи убыстрённо ползают по трубе, внутри неё, пытаясь понять, как освоить это новое обстоятельство. Девочка хочет поднять пустое горло прямо с бегающими тельцами и положить трубу на траву в стороне от муравейника, но решает оставить, как есть, чтобы не сделать для насекомых хуже. Брат спорит с братом-рифмой, куда именно бежать дальше. Следы расходятся в две разные стороны. Брат хочет идти туда, где следы и ног, и колёс, брат-рифма туда, где следы ног. Потому что это значит без врага, то есть лучше. Брат говорит, что надо двигаться за врагом точно. Девочка смотрит на трубу, уже набитую муравьями. Пустое горло своей широкой частью, откуда обычно поётся, чётко указывает в сторону следов только ног. Девочка идёт туда. Мальчики чуть топчутся, не ругаются, даже брат-рифма, но потом оба срываются и бегут за ней.

Через три часа казаков-разбойников дети находят снова парад, почти счастливый. Его ведут теперь партизаны, отбившие пленных. Парад короче раза в два. Дети объясняют вооружённым людям, кто они. Носятся по толпе, под ногами у уставших людей, заглядывают в лица взрослым и детям. Сестра и брат находят свою строгую маму. Брат-рифма не находит свою сестру-рифму и маму-рифму. Они остались в другой части парада, которую увёл враг. Брат-рифма хочет идти за ними, но брат уговаривает его остаться с партизанами, чтобы потом всем вместе освободить пленных, всех пленных, захваченных врагом. Брат-рифма остаётся. Девочке и маме не к кому теперь рифмоваться.

Парад городских жителей становится партизанами. Некоторые уходят или умирают, но бо льшая часть пополняет отряд. Строгая мама, девочка, мальчик, мальчик-рифма тоже делаются партизанами. Городская молодая женщина и дети быстро приучаются жить и красться в лесу, ориентироваться в его стволах, кустах, оврагах. Девочка любит овраги, они напоминают ей рельеф прямо в центре её города. Мама и мальчики научаются хорошо стрелять. Девочка ловко умеет теперь пробираться из леса в деревню и обратно с записками. Её брат стреляет особенно хорошо. Однажды он убивает лося, потратив три пули. Телом доброго зверя кормится весь партизанский отряд. Левый ветвистый рог с дырой в лопасти служил придерживателем двери на даче моих родителей.

На войне в лесу все – мама и её дети, и даже мальчик-рифма чувствуют себя до смущения свободно. И то же самое ощущают многие другие партизаны. Хоть холодно, страшно, не хватает еды и удобств. Многие молятся и не таятся. Строгая мама тоже. Оба её ребёнка крещёные. Мальчик-рифма смотрит на них с удивлением и неодобрением. Когда кто-то из партизан не возвращается, про него говорят, что вот он не помолился перед уходом, поэтому так произошло. Мальчик и вовсе счастлив, он бьёт врага и заботится о своих, как настоящий мужчина. Мальчик-рифма во время вылазок ищет следы своих, но всё неизвестно, непонятно, куда враг угнал тот полупарад людей. Мама каждый раз, когда один из её детей уходит из лагеря или уходит она сама, становится чуть седее, заставляет детей молиться каждый раз перед делом.

Когда девочке десять, в поздне-весеннем лесу её ловит враг, состоящий из трёх людей мужского пола. Враг выуживает холодными пальцами у неё записку из-за пазухи и начинает требовать рассказывать, в какой части леса партизаны. Девочка говорит, что не понимает, мотает головой. Враг кричит на неё по очереди. Тот, кто кричал меньше всех, предлагает другим частям врага отрезать девочке руку. Решают правую. Хватают девочку, она кричит и вырывается. Две части врага держат, удивляются – такая небольшая и такая мощная. Третья часть врага поднимает рукав ватника по локоть и рукав рубашки. Обнажается белая сопелька руки. Девочка дрожит так, что врага штормит. Девочка ором зовёт маму. Ей закрывает рот перчаткой одна из составляющих врага. Первая часть держит партизанское плечо и руку за запястье. Третья часть врага ножом прикладывается к локтевому сгибу девочки. Надо вспомнить, как женщины его дома разделывали птицу. Нож вдавливается в кожу девочки. Первая часть врага оттягивает руку девочки вперёд, чтобы её при резании легко было оторвать. На возню и крик приходит четвёртая часть врага. Он говорит другим частям, что они охуели резать руку ребёнку. Он кричит на них сильнее, будто обильно курит, так валит из его рта пар. Враг отпускает нож, руку, партизанку. Девочка какое-то время остаётся на месте, не дышит. Четвёртая часть врага кричит на неё, чтобы валила отсюда. Девочка уходит с оголённой правой. Будет часто ломать именно её после семидесяти. Ни одна из частей врага даже не преследует её, чтобы узнать, где же лагерь. Враг подавлен, все его части не говорят друг с другом ещё пару суток, а те, кто выживают и возвращаются домой, особенно не любит потом вспоминать именно этот эпизод, хотя делали вещи значительно страшнее. Девочка приходит в лагерь с синячищем на запястье и следом на локтевом сгибе, не плачет и не хочет разговаривать ещё несколько дней. Брата нет в это время, он на задании. Пишут записку с новым текстом, её относит взрослый человек другой тропинкой. С этого дня в девочке навсегда поселяется настоящая бездонная крынка с ужасом. Мама её обнимает, но в крынке плещется и плещется. Брат возвращается, видит сестру, чувствует, видит всплески ужаса, начинает только теперь догадываться, что такое война на самом деле.

Когда брату девочки четырнадцать, брат-рифма возвращается в отряд без него. Рассказывает, что в того попала пуля врага и он упал. Враг погнал вглубь болота, и брат-рифма не смог вернуться. Мама молится, девочка молится. Крынка с ужасом пополняется.

Брат не возвращается никогда. Брату-рифме не к кому рифмоваться. Девочка выживает. Мама выживает. Брат-рифма выживает. Возвращается в Ленинград, узнаёт о том, что именно он не застал в родном городе. Маму-рифму и сестру-рифму он не находит никогда. Становится директором школы. Девочка становится медсестрой. Ставит детям уколы, прививки, часто в руку.

Во мне плещется крынка ужаса. Гораздо мельче, чем девочкина, моя – малюсенькая. Досталась мне по наследству, уже со временем помелевшая. Но мне её хватает. Иногда ужас пополняется извне. Он – память о том, что самое жуткое и бесчеловечное на свете точно существует. Он – прививкина побочка. Я смотрю на свою правую. Знаю, что мои неврозы не из-за взросления в девяностые или персональной сверхчувствительности, а именно оттого, что моей бабушке-десятилетке хотели отрезать руку армейским ножом люди, которые пришли в её страну. У многих тут с детства тоже хлещет, хлещет ужас, и есть своя прививка. Но не у всех она работает.

Человедица и медведица

Человедица стоит на плечах, вытянула ноги вверх, сама в майке и обтягивающих штанах. Березит.

Человедица на велосипеде. Велосипедица. Катится по траве. Колёса сделаны тонко, но всё же не фарфоровыми кругами, а полуовалом.

Человедец в жёлтом комбинезоне, куртке, в капюшоне, в сапогах, с коробом-кубом за плечами.

Человедица в коротких штанах, шлёпанцах, с человежонком лысым (впрочем, люди почти полностью и все и всегда лысые, не считая половины головы, у них там что-то вроде гривы, загривка, одного ровного цвета, бурого, или жёлтого, или чёрного), оба в тёмных очках.

Человежонок одет в красно-синюю одежду, перечёркнутую паутиной, в руках держит мягкую маску, которую снял как шапку.

Человедец сидит на стуле, за столом и ест палками порезанную рисовую колбасу с добавками. Люди едят много странного.

Человедица идёт с большими круглыми наушниками на голове. За спиной у неё рюкзак, на плече сумка-тряпка, на ногах кроссовки. Коленки лысые, на задней части лапы рисунок, как клеймо.

Вот она идёт, а рядом проезжает велосипедная человедица. Может, почти наскакивает на неё. Тормозит. Она снимает наушники. Велосипедица спрыгивает лапами на землю. Они ругаются. Дерутся? Или нет, начинают петь.

Я человедица, я человедица,
Не медведица,
Чуть не попала под велосипедицу,
Вот ведь!

И велосипедица тоже:
Я велосипедица, я велосипедица,
Тоже человедица,
И также не медведица,
Чуть не наехала на ещё одну человедицу,
Хорошо, что обошлось,
Вы бы видели эти тормоза в гололедицу,
Молодцы тормоза.

И теперь хором.
Или дуэтом.

Человедица, человедица,
Не медведица,

Велосипедица ехала,
встречная прохожая шла,
Тоже не медведица,
Чуть не столкнулись,
Еле разминулись,
Вот же,
Хорошо, что обошлось.

Настя собирала людёв, любила очень. Люди переливались от лучей света, пищали под тряпкой при протирании. Выстраивались не рядом, а распространённо, то есть почти жизненно. В жизни, которую себе воображала Настя. Для людёв Настя определила не полку, а целый прямоугольный стол. Он стоял у стенки, сверху Настя накрыла людёв стеклянной крышкой. Чтобы не пылились, чтобы их не хватали родня или гости. Стол стоял на толстоворсном коврике с турецкими огурцами, который распространялся на расстоянии две с половиной передних настиных лапы от деревянных ножек, на всякий случай, чтоб при падении люди падали на мягкое и не разбивались. На большой ковёр у Насти не хватило денег, да и к тому же за него можно было зацепиться спросонья лапами и потянуть за собой, сдвинуть стол с людьми и опрокинуть. Сонная Настя ходила-переваливаясь пять месяцев в году, она не могла себе позволить спячку.

Настя сама себя сонную опасалась, поэтому после рабочего дня или с утра подходила к людям тихонько и любовалась со стороны. В единственный свой выходной или после не самого тяжёлого рабочего дня, когда лапы не дрожали, Настя позволяла себе снять стекло, положить его на кровать и брать лапами людёв, переставлять их, любоваться. Это был её мир. Лапы она перед этим тщательно мыла и вытирала.

Настя проснулась утром. За круглым окном чёрное всё. Самое сложное – заставить себя встать с кровати, Настя чуть повыла. За земляными стенами тоже выли. Она влезла в домашние сапоги. Включила свет. Набрала в пустую бочку холодной из крана, горячая давно не ходила. Хорошо, что холодная шла. С водой с началом войны с морскими начались проблемы. Речные негласно поддерживали морских. Трёхлапая Марина с работы говорила, что это такая отмазка, чтобы не тратить деньги на подогрев воды. И что-то ещё, что-то ещё. Настя уставала от таких бесполезных слов. Достала из пасти тлеющей печи железную бочку с тёплой водой. Поставила на пол. Сняла ночнушку, сапоги. Через табуретку влезла в бочку с холодной водой. Повыла, пофыркала. Потом влезла в бочку с тёплой. Кажется, проснулась. Потёрлась мочалом с мылом. Тщательно вытерла шерсть. Влезла в панталоны, рубаху, надела кафтан, панёву, юбку, монисто. Вытащила из печи вчерашний кофий, чуть тёплый. Пожевала хлеб, пчелиные соты. Влезла в пальто, платок, шапку, муфту, валенки, нежно посмотрела на фарфоровых людёв под стеклом и отправилась работать.

У неё в коллекции – двадцать одна фигурка. Все в порядке, кроме одной, у человедицы в светло-синей одежде, в маске на полморды (очень любят маски человедцы), в перчатках, приклеена голова. Но стык заметен, только если разглядывать шею очень близко. Когда Настя ещё жила в родовой берлоге, люди, тогда семеро, стояли на полке. Просила родовых не трогать её коллекцию, Мать не протирать, не переставлять, Братца вовсе не приближаться. Но Настя чувствовала хаос домашней берлоги, вроде бы родня слушала, но думала, что блажь. Настя не могла контролировать их, скорее это они, наоборот, пытались царствовать над ней, хоть Братец был на год младше. И вот он нетрезвый мимо шёл, локтем задел шкаф, человедцы и человедицы задребезжали, одна человедица покачнулась и свалилась. Братец смеялся, что у докторицы отвалилась башка. Настя рычала на него страшно, что слышали соседние берлоги,

а Братец прижал уши. После этого она съехала в отдельную берложку, за которую отдавала две трети своего оклада, ну и что. Мать всегда надеялась, что Настя съедет только замуж. Она долго причитала. Слушать не хотела сына, который ей объяснял, что Настя съезжает из-за разбитой статуэтки. Настя съезжала из-за неё и нет. Хотела уйти из дома давно, а сейчас кастрюля терпения забита.

Медведица не одна косолапила, хрустела, скрипела, пробираясь через воронье утро. Из берлог, нор, лесных участков вылезали другие медведицы и медведи, зайчихи и зайцы, тетеревихи и тетерева, лисы, лосихи и лоси. Все шли на свои заводы, свои учреждения сонными, но медведицы и медведи были будто наполовину живые, заложные.

Когда Настя подходила к заводу, уже стало серо-светло. В пруду в проделанные проруби ныряли рекруты, тренировались. Командовал тоже медведь, скрипуче, монотонно, малозубо. Среди рекрутов ныряли медведи. Командир кричал, чтобы они не спали. Две недели назад медведь утонул в городской реке на сборах. Заснул не он, а его сердце, работающее медленней зимой, не справилось.

Серий с людями по легенде было несколько. Эта которая – самая интересная и красивая. Фарфор тонкий, детали прописаны и прорисованы подробно. Хотя в последнее время ходили слухи, что людёв никогда и не было и что их придумали морские звери. Слух разросся, раздобрел, посыпался отовсюду после того, как лесные и степные начали воевать с морскими на море. Многие зайцы верили, что люди существовали. И что они были жестокими и дикими. Настина ушастая подруга Мила говорила, рассматривая Настины фигурки, ну откуда у людей велосипед, им такое не придумать. Но Настя верила в людей. И в то, что они могли кататься на велосипедах.

Настя поздоровалась с седой лосихой Верой на проходной. С соработницами и соработниками. Бодрая зайчиха Мила поойкала, глядя на сонноватую подругу. Хотя они обе понимали, что Настя была самая проснувшаяся из тутошних медведей. Переоделась в рабочую серую рубашку и кофту, нацепила сверху шушун, монисто, взяла топор и отправилась в цех.

Всего фигурок было двадцать три. Настя переписала себе каталог в музее. Насчёт человедца с плоской печатной машинкой она уже договорилась с лосихой из совсем другого города. Настя уже переслала деньги, и человедец путешествовал к ней специальной, аккуратной, очень дорогой почтовой пересылкой. Не хватало только одной фигурки – человедицы с пакетом с красным клеймом. Если некоторые фигурки она встречала на рынках и даже в берлогах и норах других зверей, человедицу в берёзке она, например, купила у знакомой кабанихи, прямо на её музыкальном ужине. Но человедица с пакетом была легендой, про неё рассказывали некоторые другие коллекционеры и торговцы вещами. Только один тетерев-антикварщик уверял, что видел её, мимолётом, дома у старого медведя с позолоченной берлогой, когда доставлял ему дубовое кресло. Тетерев помнил, что грива у человедицы была бурая, пакет действительно белый, с красным клеймом, а одежда то ли зелёная, то ли синяя. Насте снилась человедица с пакетом то в зелёной одежде, то в синей, то в красной, то в белой, то в полностью бурой шерсти (как у Насти), то в коротких штанах, вся полностью в красных клеймах. Искала, расспрашивала коллекционеров, писала письма, читала раздел объявления в газетах. И даже дала объявление сама. Но человедица с белым пакетом не находилась. Мила помогала подруге искать, писала родственникам в разные местности, но сама говорила, что наверняка этой фигурки и не существует. И не может быть, чтобы у людёв были пластиковые пакеты, невозможно. Только тем, кто мог позволить себе спячку, разрешено пользоваться регулярно пластиковыми пакетами и регулярно их мыть. Для остальных они запрещены.

Настя рубила лихо, но может не так лихо, как летом и весной и ранней осенью, но ловко. Она не портила материал. Никогда ещё не засыпала в цеху и не медлила за работой. Она была крупной даже среди медведей и пока ещё молодой. В цеху скрипело, стонало, плакало дерево. На многих пели монисто или колокольчики. Каждый и каждая рубящая находились друг от друга на расстоянии своего роста. Размер топора и изделия тоже зависел от размера работника. Среди рабочих ходил Паша, тощий подросток-лис, он присматривался к медведицам и медведям и обливал их водой, если кто-то из них засыпал. Они пробуждались, матерились на него, пытались схватить, но он успевал убежать.

Насте нравилось видеть в столовых или в гостях свои плошки и ложки. Она всегда узнавала свои и Милины изделия, поменьше. Подруга-зайчиха говорила, что ей всё равно, но Настя чувствовала, что той тоже приятно. Милины чайные ложки и мелкие плошки были ловкие и юркие как она. Настины изделия получались плотными и надежными. Она даже добавляла узоры и орнаменты, высекая их лезвием топора. Её ругал начальник за лишние три-четыре секунды, но не сильно. Такие он продавал дороже. Разницу оставлял себе. К тому же и из одного полена она выделывала две большие и три средние плошки, и ещё оставалось на две-три ложки. Настя считала, что её изделия не сравнятся с фарфоровым изяществом. Но топорную работу любила. Она ошиблась два раза, когда только начинала работать. Первый раз она сломала собой же сделанную тарелку, начальник нарычал на неё и лишил заработка на три дня. Второй раз она загубила сразу два полена, от невнимательности и неопытности, её выпороли во дворе завода. Мила потом отвела её домой. Она плакала от обиды и боли, Мать успокаивала её и говорила, что это вот у всех бывает.

Вчера выпороли медведя Славу за то, что он полдня просто засыпал, хоть Паша извёл на него четыре ведра ледяной воды. Слава рубил сегодня, медленно, но зло и кашляя. Засыпание было опасным для самих работников, медведица Марина так отрубила себе лапу четыре года назад. Приноровилась работать одной лапой.

Настя видела пластиковые пакеты пару раз у Братца в берлоге. Он хорошо женился и теперь перешёл в разряд спящих зимой. Мать очень им гордилась. Говорила Насте: и ты так можешь. И будешь тогда покупать этих своих фарфоровых сколько хочешь, а не тратить на них все деньги. Люди стоили по-разному, но чаще всего дорого, да. В месяцы, когда Настя пополняла коллекцию, она сосала лапу. Любопытно, что после этого лапа действительно была слабее, хуже держала топор, словно действительно кормила медведицу, поэтому Настя сосала правую, не рубящую. Два года назад перед спячкой Братец с женой устроили вечеринку. Настя не хотела идти, но Мила попросила её, она никогда не была на таких вечерах в богатых берлогах. И зайцы не спали, а просто седели на зиму. Настя надела свой единственный праздничный розовый сарафан, парадное монисто и каблучок на голову. Мила была в бирюзовом сарафане и вышитом венце, из которого торчали уши. Братец много и громко хохотал своим шуткам, Мать носила еду, хотя была прислуга, не могла привыкнуть.

Здесь вечеринили волки, зайцы, лисы, кабаны, тетерева и лоси, но в основном ели медведи, которые собирались спать. Мила гоняла по берлоге, никогда не видела столько золота. Настя умоляла не отходить от неё, богатые звери не ели богатых зверей, а вот бедных лисы, кабаны и даже медведи могли тайно сожрать, а потом всё замять. Но опасные звери просто напивались и выли колыбельные. Братец делал вид, что он не знает сестру и её подругу. Только сказал Насте, что она страшная и смешная в своем каблучке и розовом сарафане. Настя ответила, что это отлично. Братец позвал Мать в спячку, теперь у его семьи было право. Настю демонстративно нет. Мать сказала, что как привыкла, лучше так и доживёт. А Настя не собиралась спать из-за подачки Братца. Она хотела сама заработать право на спячку. Но по правде она боялась спать так долго и беспробудно, потеряв контроль даже над своим телом, ведь так

можно пропустить что-то важное и опасное – затопление, пожар, землетрясение. В любом случае ей надо дособрать коллекцию городских людёв.

Медведи особенно наедались, Настя тоже ела хоть и не на спячку, а впрок, кушала медовик и жучково-картофельную запеканку. На этой вечеринке она и встретила тетерева-антиквара, который рассказал ей, что видел человедицу с белым пакетом с красным клеймом. Всё-таки не такой бесполезный выход в общество.

Настя рубила за сегодня семнадцатую плошку и шестое полено. Некоторые работники что-то выли себе под нос, и вот Настя тоже напевала.

Человедица с белым пакетом
С красным клеймом
Я тебя найду
Буду рыскать с умом
Най-най-най,
Буду зиму не спать,
Лапу сосать,
Поделись секретом,
Най-най-най,
Где ты, я приду!

Паша ударил в колокол. Завод отправился в столовую. Настя взяла жучий суп. Три хитиновых брюшка плавали на поверхности. Зайчиха жевала свекольный салат с варёной луковицей. Слава лил себе суп в пасть из опрокинутой плошки. Настя и Мила взяли кофий и яблочной пастилы. Начальник прорычал, чтобы работники не рассиживались, хотя до конца обеда оставалось почти двадцать минут. Настя подумала о том, что у человедицы в пакете может быть пастила или жучья запеканка. Может быть, даже фарфоровый пакет, пластиковый по идее, просвечивает, показывает, что у него там внутри. Мила сказала Насте, чтобы перестала думать про своих людёв. Сама она при этом смотрела страницу со звёздными предсказаниями. Обед недавно увеличили до тридцати минут, рабочий день снизили с двенадцати до одиннадцати часов, а в столовой появлялись свежие газеты. Вдруг Милины уши навострились.

– Это же тебе! – прокричала она, и все звери поглядели на неё.

Настя упёрлась взглядом раздел объявлений: «Медведица, кот. искала человедицу с белым пакетом с красным клеймом, она тут», и дальше шёл адрес.

Человедица с белым пакетом
С красным клеймом
Я тебя найду,
Най-най-най,
Вот уже иду!

Это пела Медведица, дорабатывая свои оставшиеся шесть часов топором, пытаясь быть максимально сконцентрированной. Она рубила старательно и поэтому даже слишком медленно. Начальник недовольно глядел на неё, а лис Паша думал, не сбрызнуть ли её ледяной водой.

После трудового дня Медведица быстро косолапила мимо проходной, мимо ворот, мимо пруда, мимо парка. Зайчихе пришлось прыгать на четырех лапах, чтобы её догонять. На Милу

смотрели плохо и смеялись. Платок развязывался, уши торчали, в морду и за шиворот набился снег. Медведица остановилась у памятника «Дружба зверей». Мила спросила, что может ей всё же пойти с Настей, вдруг чего, но та замотала огромной своей башкой, и в ушах зазвенели серьги. Настя стремительно запереваливалась среди торговых рядов. Подумала, что надо или подрезать когти, или купить валенки пошире, а то неудобно ходить. Заяц шёл по канату над лотками и толпой и держал в каждой лапе по мешку-близнецу с чем-то. Настя подумала, это у него могли бы быть белые пластиковые пакеты с красным клеймом. Прокосолапила мимо бронзового и полусидячего лося-поэта. Посреди площади возвышался бронзовый Медведь в мундире и овальный – как картофель. Сердце горело от радости. Настя, сворачивая на соседнюю улицу и одновременно обходя пудовую, гораздо больше неё медведицу с вереницей медвежат в тулупах, поскользнулась на подснежном льде и упала телом на бок. Оказалось больновато, но наученная Настя не вытянула ни одну из передних лап – однажды уже так падала, и сильно ушибла правую переднюю, лапы – рабочий инструмент, их надо беречь. Надо осторожно идти потом домой с человедицей с пластиковым пакетом с красным клеймом. Попросить хорошо завернуть. Настя встала и пошла дальше. Настя косолапила по узкой корке тротуара. Можно снять валенки и бежать босой. Когти на что, будут держать. Вон некоторые звери так ходят и не болеют.

Я Настя медведица,
Не боюсь гололедицы.
Зимой набегу,
Раскатала губу,
Людёв соберу,
Не боюсь гололедицы.

Что может случиться, это жадный антиквар попросит очень много денег, Насте придётся продать остальных людёв, сосать лапу до лета, или это Саша, высокий и среднетелый, с лысым боком, высоким голоском, узнал про её коллекционирование, про человедицу с пакетом, и так решил её завлечь на встречу, еле отвязалась тогда, чего не взяла Милу, та же хотела с ней пойти, но она здорово тогда ему сказала, или это нехороший медведь, узнает, где она трудится, заставит её кого-то зарубить топором за фигурку человедицы, или нехорошая лиса, попросит Милу в обмен на редкую человедицу. Ну хватит. Мысли чесали голову, саднили, разводили хаос, как вредную плесень на берложьей стене.

Я Настя медведица,
Не боюсь гололедицы.
Зимой набегу,
Раскатала губу,
Заберу человедицу,
Не боюсь околесицы.

За уголком должен быть нужный дом. Настя заводила носом, приготовила глаза искать дверку, подворотню, ворота, свернула и вдруг увидела её за стеклянной витриной. Та словно пришла на встречу, летне одетая, в белых шнурованных ботинках, синих брюках, бирюзовой короткой рубахе, с лысыми руками, с бурой шерстью на голове, собранной по-конски. Человедица смотрела изумрудно, спокойно, прямо. Ноги её были расставлены одна от другой в шагании. Пакет действительно белый и пластиковый, она несла его в левой лысой лапе. Значит ли это, что человедица левша, как и Настя? Клеймо было красное, слова в овале, буквы подстёрлись, не разобрать. Но остальные цвета и детали сохранились верно. По изгибам пакета можно

представить, что там бутыль, скорее с молоком или ряженкой, потом что-то квадратное, может, короб с печеньем, вот этот выпирающий колобок, кажется, хлеб.

Настя поняла, что никогда, никогда не была так счастлива, как сейчас. И, наверное, не будет. Фарфоровая человедица жила среди маленьких бронзовых лосей-поэтов, перстней, монисто, глиняных расписанных гранатами блюд, фарфоровых чашек и стоила дороговато, но допустимо. Медведица вдруг подумала, что плохо, если всё будет слишком хорошо. Тогда она расслабится, прозевает, не одолеет беспорядок событий. Или, того хуже, в иную сторону – станет счастливее, чем остальные. Она вспомнила злого простуженного Славу, ныряющих рекрутов, свою печь. Представила человедицу с пакетом у себя под стеклом, среди остальных людёв, и ничего не почуяла вовсе, только жуткую полость, как внутри фарфорового изделия. А что если полная коллекция – это хаос? Люди, собравшись вместе, поработят Настю насовсем? Они уже захватили её и над ней царствуют. Медведица поморгала рыжими глазами, вытерла морозные слёзки и скосолапила назад.

Она сказала Миле, что никакой человедицы с белым пакетом по адресу не оказалось. Обманули на странице газеты, или просто уже кто-то купил. Мила расстроилась за Настю. Та остановила её утешения. Сказала, что зайчиха-подруга права. Скорее всего, никаких людёв никогда и не было.

Ега-би́ха[1] и родная речь[2]

1.

Ега-би́ха живёт, живёт и живёт. Её маленький деревянный дом находится на поляне, которая выдрана неровным куском в самой глубокой глубине тёмного леса. За Избушкой тоже высокий и плотный лес. Но он вроде как забор. В него заходишь, с разрешения Ега-бихи, и через скоро оказываешься на берегу Смородины. А там уже и Калинов мост. Ега-биха много работает. У неё не убрано и пыльно. У неё нет времени заниматься хозяйством. Она встречает на крыльце людей, которые вышли из леса на поляну со стороны яви и заглядывают к ней во двор. Избушка почти всегда повёрнута передом к калитке. Только для самых буйных и злых дом поворачивается глухой стеной. Когда человек заходит в Избушку со стороны калитки, то Избушка приподнимается на желтоватых куриных ногах в редких перьях. Ноги переминаются, трясут когтистыми ступнями, отталкиваются ими от земли и разворачивают Избушку дверью от поляны к густому лесу, где течёт Смородина. Иногда Избушка не вращается до куда надо и глядит потом на лес боковым окошком. Но ничего. Люди или человек после поворота выходят из Избушки и направляются в лес. Зачем Ега-бихе убираться, когда у неё тут проходные двор и дом.

2.

Забор вокруг Ега-бихиного участка сделан из человеческих костей, реже звериных. На частых кольях – черепа, иногда они вздыхают или воют. Многие люди толпятся у калитки, боятся, не заходят. Только дети бегают, играют, иногда вытаскивают кости и черепа с забора. Взрослые ругаются. Черепа почти никогда. Только если дети отломают кусок кости. После того, как яблоко солнца закатывается за лес, глазницы черепов загораются, как фонари. Так в густой темноте люди, оказавшиеся в дополянном лесу ночью, выходят из леса на их свечение.

3.

В правом кармане Ега-бихиного передника живёт, живёт и живёт Родная речь. Когда нет посетителей, Ега-биха расстилает короткошёрстный ковёр и выпускает её поползать. Когда ест сама, то сажает Родную речь в блюдце с вареньем или сметаной. После Ега-биха вытирает её полотенцем, чтобы не липла. Когда Ега-биха забирается на печь поспать, то выкладывает Родную речь на подушку рядом. Родная речь обижается, если варенья мало или если Ега-биха уделяет ей мало внимания.

4.

Вот Родной речи когда не додали варенья, то она пытается уползти по пыльному натоптанному полу. Дом почувствовал полом, задрал крыльцо-брюхо вверх, и Родная речь вместе с утварью откатилась прямо в печь, хорошо что остывшую. Или вот дом дремлет, Ега-биха во дворе набирает воду, никто не может кроме неё набирать эту воду, Родная речь выползает уже

---

[1] Ега-би́ха – это один из вариантов имени и огласовки Бабы-яги в русском фольклоре. (*Здесь и далее примеч. автора.*)

[2] Рассказ написан для журнала GRAZIA.

на порог, там её берёт в руки ребёнок, ожидавший Ега-бихиного приёма и отправки к Калиновому мосту. Мальчик играет с Родной речью, подкидывает, ей нравится взлетать, а потом он вытаскивает острую кость из забора и принимается тыкать в сосочки Родной речи посредине и на самом кончике её тела. Та сердится, изгибается змеёй, отпружинивает от почвы и влетает мальчику в рот, пододвигает мальчиковый язык и присоединяется. Ребёнок заговаривает вдруг взрослым высоким голосом о людях в автобусах. О людях в автобусах. О людях в автобусах. Все на дворе принимаются смотреть на мальчика и слушать его. Избушка просыпается, наклоняется в сторону ребёнка. Ега-биха подбегает к мальчику и выуживает у него изо рта Родную речь.

5.

Родная речь не разговаривает сама, вообще не издаёт звуков. Ега-биха не любит говорить. С приходящими людьми пару слов не свяжет, чаще когтистым пальцем показывает, куда идти. Но с Родной речью она говорит, поёт ей и иногда даже читает. У Ега-бихи шкаф с книгами за дверкой. Родная речь очень нудная, любит, чтобы Ега-биха читала одни и те же сочинения и одни и те же страницы. Ега-биха читает, Родная речь гордится. Собой. У неё классический вкус, но Ега-биха понимает почему. У Родной речи есть работа. Раз в три дня Ега-биха варит кисель, остужает его у маленького окошка на подоконнике, затем помещает туда Родную речь. Сутки Родная речь плавает в киселе и соединяется со всеми другими языками людей яви, которые говорят по-русски – хорошо, плохо ли, чисто ли, или с ошибками, является ли для них русский первым, или вторым, то есть не родным, не материнским, или они только учат его, или только думают на нём, или только говорят, но не пишут, или пишут, но не говорят. Для неё не имеет значения географическая точка языка, кровная или паспортная национальность человека им пользующегося, всех их поддерживает, напитывает Родная речь Ега-бихиным киселем. Если Родная речь забросит эту работу, то люди хуже начнут подбирать слова, труднее общаться между собой, не смогут договариваться, знакомиться, писать, чего-то делать новое, учить другие родные речи и вообще понимать кого-либо, язык перестанет меняться и жить. Поэтому Ега-биха запрещает Родной речи выползать даже на двор.

6.

Когда Родная речь в киселе наработается, то начинает стучать о стенки кувшина. Ега-биха достаёт её пальцами-колотушками, вытирает специальным полотенцем, вышитым Ега-бихой, хотя она не рукодельница особо, кладет Родную речь на печь или к себе в карман. Родная речь долго потом спит. Когда просыпается, любит послушать что-то любимое простое. Например, как Ега-биха читает очень старую книгу с именем Родной речи на обложке, где только отдельные буквы и слова и коротенькие тексты. Бывает, люди уже стучатся, или слышно, как они ругаются в очереди на дворе или за калиткой, а Ега-биха всё читает Родной речи книжку с её именем.

7.

Ега-биха очень устаёт на двух своих работах. У неё есть взрослая дочь, которая живёт в лесу со стороны яви и охраняет поляну с Ега-бихиным домом от живых. Иногда ловит мёртвых, тех, которые сразу соображают, куда попали, и пытаются убежать обратно через лес. Ега-бихина дочь с ней не разговаривает, потому что мать много лет назад запретила ей уйти жить к людям и превратила её в кобылу. Дочь Ега-бихи не помнит, как она выглядела человеком.

Она может превращаться в лосиху, волчицу, птицу, лягушку, но в женщину никогда. Дочь Ега-бихи продолжает делать свою работу, но с матерью даже не здоровается, когда встречает.

8.

Ега-биха однажды так устаёт, что перестаёт принимать людей. Она тощими ладонями гонит всех за калитку. Некоторые не хотят, три дня тут уже стоят, иные целыми семьями. Тогда дом поднимается и выпихивает, выпинывает огромными птичьими ногами народ за калитку. Один человек дерётся, бьёт куриную ногу поленом. Избушка злится, хватает человека своими тремя куриными пальцами левой ноги и вышвыривает его за забор в поле. Он летит и кричит, остальные глядят со страхом. Ега-биха запирает калитку на засов из трёх рук с тремя перстнями – с рубином, алмазом и изумрудом. Никто никогда не берёт их. Кости по всему забору сходятся ещё плотнее. Ещё не стемнело, а глазницы черепов загораются. Ега-биха спит на печи. Что делать, люди все легли в поле ждать и заснули. Если Ега-биха спит, то и они.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.